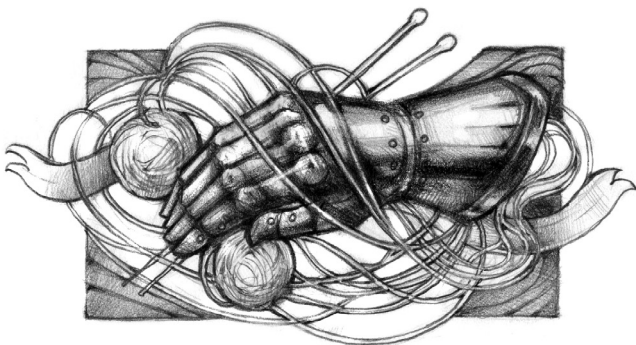

РЬЦАРЬ
ЗА ПРЯЛКОЮ

Новелла XV века

Нредки барона Ульриха были богаты и вели роскошную жизнь. Отец, расточив большую часть имения, оставил сыну замок в Богемии и немного земли, которая приносила доходов столько, сколько нужно, чтобы жить одному неприхотливому человеку. Молодой барон был нрава беспечного и доброго, не умел выжимать из крепостных оброки, как это делали соседние помещики, и когда ему предстояли неожиданные расходы, предпочитал занимать деньги за высокие проценты у ростовщиков или закладывал клочки дедовского имения алчным немцам и жидам. Рыцарь мало заботился о будущем, и так как редко принимал гостей, вел тихую уединенную жизнь и, кроме двух страстей — к лошадям и книгам, привычки имел скромные, то ему хватало, и он никогда не думал о своей бедности. Случалось, что старый верный управитель-кастеллан приносил ему с тревожным лицом толстые приходо-расходные книги, записи жидовских долгов и хозяйственные счета, но молодой барон отмахивался от него, как от надоедливой мухи, и не хотел заглянуть в эти единственные из рукописных книг, которые были ему ненавистны.

— На мой век хватит, — говаривал Ульрих с беспечной улыбкой и продолжал покупать привозимые из Италии и Византии драгоценные пергаменты с миниатюрами и благородных лошадей, потихоньку разоряя свое имение, к прискорбию сумрачного управителя.

Ульрих был честен и ленив — два главных свойства, которые мешают людям приобретать деньги. Пробовал он служить, но военная служба показалась ему тяжелой. Скоро вернулся барон в свой замок и окончательно поселился в нем. Жил он совсем один с немногими старыми слугами, не томясь одиночеством, скорее находя в нем отраду; из великолепного опустевшего замка занимал Ульрих не более двух, трех покоев, которые казались ему уютнее других. Соседи называли его полупомешанным, философом, алхимиком, или же, попросту, деревенским увальнем и рохлей. Но рыцарь мало заботился о том, что говорят соседи. Он чувствовал себя если не счастливым, то беспечным и свободным. Большую часть дня проводил в охоте на волков и медведей, которых в те времена водилось множество в лесах Богемии. Удил рыбу, потому что любил тишину глубоких вод, которые иногда казались ему похожими на его собственное сердце. Или же, подобно старому римскому императору Диоклетиану, удалившемуся от суетной власти, о котором он читал в книге итальянского гуманиста Флавио Биондо, озаглавленной «*Libri Historiarum ab inclinatione Romanorum*»*, — копал гряды на огороде, сажал плодовые деревья и обчищал их, подрезая лишние ветви большим садовым ножом. Но самая приятная часть дня наступала после ужина: в долгие осенние и зимние вечера, когда ставни на окнах содрогались от ветра, шумел дождь или завывала вьюга, в громадном закоптелом очаге

---

* «Историческая книга об упадке Римских владений» (лат.).

с пышными каменными гербами разводили огонь. Ульрих в мягкой заячьей шубе садился поближе к трескучему пламени, наливал кубок хорошего вина, брал одну из любимых книг и погружался в чтение. То были латинские хроники деяний греков и римлян, описания путешествий в далекие страны, только что тогда входившие в моду новеллы итальянских писателей или сладкозвучные сонеты божественного Петрарки. Ульрих порой отрывался от книги, подолгу смотрел на пламя в камине, и слезы одинокого счастья, рождаемого гармонией, струились по его щекам. Или же, размахивая руками, громко декламировал те строки, которые ему особенно нравились, пробуждая ночное эхо в темных сводах; и под завывание северной вьюги удивительными и волшебными казались певучие рифмы, созданные в стране южного солнца.

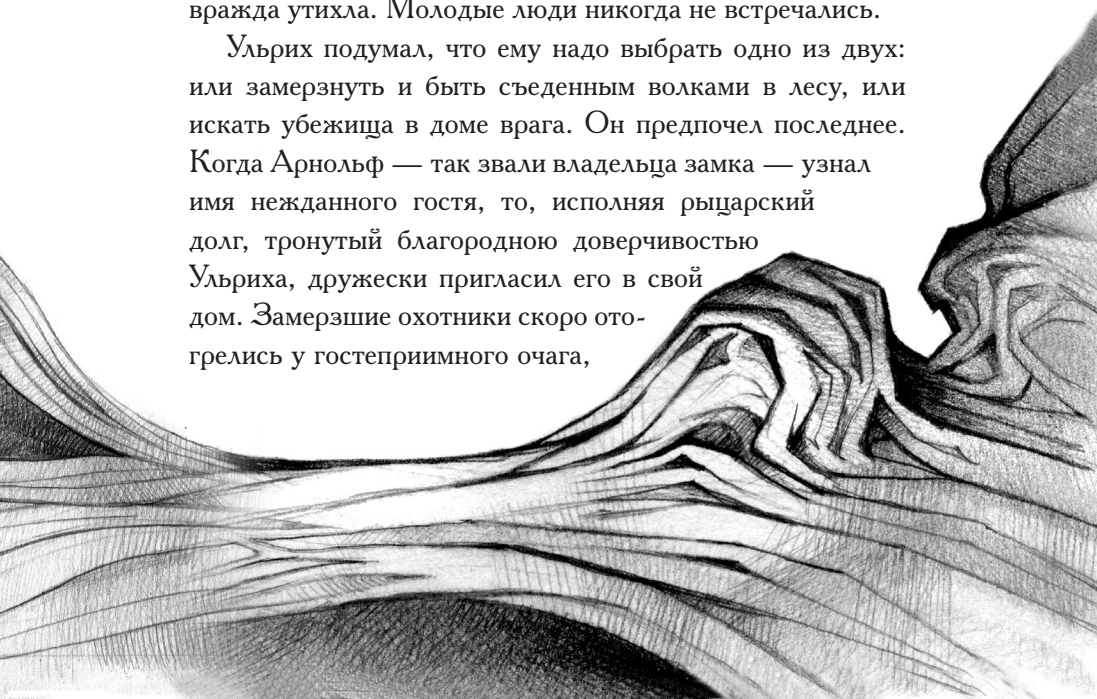
Ульрих был высок, худощав, обладал большой силой в руках, голос имел тихий и приятный, волосы такие

светлые, что они казались почти белыми, как будто седыми, глаза ленивые, бледно-голубые, но в них вспыхивал иногда огонь, — и медведицы богемских лесов, на которых он хаживал один с двумя охотничьими псами, чувствовали перед смертью, как опасен этот внезапный огонь в глазах Ульриха.

Однажды, в зимнюю стужу, случилось барону выехать на медвежью охоту в дремучий лес, далеко отстоявший от замка. Охота была счастливой, доезжачие взвалили на сани пушистую громаду убитого зверя и собрались домой. Завечерело, поднялась вьюга, снегом замело лесные тропы, и охотники заблудились. Ночью напало на них стадо волков. Они едва не погибли и не замерзли. К счастью, Ульрих заметил в горах сквозь белую мутную мглу огонек. Подъехали к замку. Когда на крики и стук их отворились ворота и рыцарь услышал имя владельца, то сперва хотел вернуться назад в лес. В замке жил враг; отцы и деды этого рыцаря с незапамятных времен ненавидели семейство Ульриха. Столетия длилась вражда, породившая многие злодейства. Только в последние годы, когда почти все члены обоих родов, кроме двух сыновей, перемерли, вражда утихла. Молодые люди никогда не встречались.

Ульрих подумал, что ему надо выбрать одно из двух: или замерзнуть и быть съеденным волками в лесу, или искать убежища в доме врага. Он предпочел последнее. Когда Арнольф — так звали владельца замка — узнал имя нежданного гостя, то, исполняя рыцарский долг, тронутый благородною доверчивостью Ульриха, дружески пригласил его в свой дом. Замерзшие охотники скоро отогрелись у гостеприимного очага,

и Ульрих с Арнольфом разговорились так, как будто они были старыми друзьями. Когда подали ужин, к столу вышла молодая девушка, сестра Арнольфа. Ее звали Дианорой, и Ульрих узнал впоследствии, что ее мать была итальянкой, дочерью одного сиенского купца. Арнольф родился от первого брака, от другой матери.

Дианора с первого взгляда понравилась Ульриху. Вспоминая выражение одного итальянского поэта о прекрасной флорентинке Симонетти, он мысленно назвал прелесть Дианоры «смиренно-гордою». Матовая бледность ее лица под гладкими, черными и блестящими волосами напоминала твердые и свежие лепестки белых цветов в черно-зеленой листве апельсиновых и лимонных деревьев той страны, которую Дианора считала своей родиной и любила, хотя никогда ее не видела.

Оба рыцаря расстались друзьями, и память о старой вражде рассеялась, ибо они были молоды, великодушны и не имели причины желать друг другу зла.

С тех пор Ульрих стал посещать замок Арнольфа, благословляя ту жестокую выюгу, которая привела его в жилище Дианоры, и каждый раз она казалась ему еще прекраснее.

Скоро он узнал, что Арнольф беден и должен выдать сестру замуж почти без приданого: это сделало Ульриха смелее и, уверившись в его благосклонности, он решился попросить у брата руки сестры. Видя благородную любовь рыцаря и желая увековечить кровным союзом новую дружбу, Арнольф, после некоторого колебания, согласился.

Великолепные покои замка, где молодой отшельник недавно вел тихую жизнь, наполнились брачным весельем. Скоро Ульрих увидел, что не ошибся в своем выборе, так как Дианора была доброю женою.

Несмотря на свою бедность, он делал ей роскошные подарки, купил прекрасную флорентийскую лютню, украшенную перламутром, и когда проезжали московские купцы с мехами, поспешил продать тополиную рощу и подарил Дианоре драгоценную шубу пунцового бархата, опушенную соболем.

В замке все чаще стали появляться подозрительные займодавцы, все с большею решимостью подписывал Ульрих жидовские векселя. И лицо старого верного управителя становилось мрачнее. Наконец он добился своего, показал Ульриху счетные книги, объяснил все, и рыцарь увидел, что через год ему предстоит нищета.

Дианора ничего не знала и казалась совершенно счастливою. Теперь только понял Ульрих горечь бедности. Беспечность покинула его, и скоро жена заметила сердечную тревогу мужа. Но так как жемчужина всех женских добродетелей — стыдливая скромность — украшала Дианору, то она не дерзала спросить супруга о причине этой тревоги.

Наконец, однажды вечером, когда, по старому обычаю, он сидел с кубком вина и книгой у камина и думал невеселую думу, а Дианора тонкими пальцами перебирала струны лютни, решилась она спросить мужа, какая забота омрачает душу его. Ульрих смутился и хотел скрыть тревогу притворною веселостью, но, чувствуя в ее взорах нежную укоризну за то, что он не хочет разделить с нею горя, не вытерпел и сам открыл ей все. Тогда Дианора воскликнула радостно:

— Благословен да будет Создатель мой, посылающий мне такое легкое испытание! Ибо я ждала гораздо худшего. В юдоли плача и въздыхания, именуемой земною жизнью, человека подстерегают на всех путях его вражда, болезнь, безумие, смерть и многие другие страдания, среди которых

бедность еще самое отрадное. Да не смущается сердце господина моего. В доме брата я не привыкла к роскоши. В этом прекрасном замке есть все, что нам нужно. С голода мы не умрем: хлеба, плодов и вина хватит на двоих. О чем же горевать? Мы будем жить просто и умеренно, как учат древние мудрецы, книги которых так любит ваша милость, и я питаю уверенность, что многие земные владыки могли бы позавидовать нашему счастью.

Так сказала она, — мудрость озарила лицо ее, и никогда красота Дианоры не казалась Ульриху такую царственной. Рыцарь склонил перед нею колени, поцеловал ее тонкие бледные руки и сказал:

— Слова твои, Дианора, кажутся мне прекрасными. Но ты, как женщина молодая и не искушенная опытом жизни, заботишься только о сегодняшнем дне и о нас двоих, между тем как я продвигу будущее. Тебе, быть может, неизвестно, что мой великодушный король и повелитель, Маттиас Корвин, любит меня не меньше, чем отца моего и деда. Я слышал, что готовится новый поход в землю неверных: король с радостью примет меня, даст мне почетное место в своем войске, и ежели мне удастся заслужить его милость, — на что я питаю твердую надежду, — то он наградит меня с обычной щедростью, за которую стоустая молва недаром прославила его у всех народов.

Ульрих умолк на мгновение, и жена спросила его:

— Что же препятствует господину моему исполнить это мудрое намерение?

— Дианора! Как оставлю я тебя одну в этом уединенном замке, такую молодую и неопытную?

— Но разве ваша милость еще не уверилась в том, что я добрая хозяйка? Вам нечего бояться. Старые верные слуги не покинут меня. К тому же у замка глубокие рвы и железные решетки...

— О, милая, ни глубокие рвы, ни железные решетки не защитят тебя от этих двуногих волков, которые, почуяв, что есть для них лакомая добыча (ибо ты ведь знаешь, Дианора, что красота твоя славится по всей Богемии), сбегутся, чтобы похитить у меня самое драгоценное...

Тогда Дианора подняла на него свои ясные глаза и молвила:

— Я сохраню честь господина моего и в жизни и в смерти.

И она взглянула на него так, что рыцарь поверил, и если бы теперь весь мир свидетельствовал против нее, не усомнился бы. Тогда он уже более не колебался и решил поступить на службу к королю.

Не желая медлить, продал все лишнее, часть денег взял с собою на дорогу, другую оставил жене и назначил день отъезда.

Знаменитый король венгерский Маттиас Корвин благосклонно принял Ульриха и дал ему при дворе столь же почетное, как и выгодное место. Когда же Маттиас выступил в давно замышляемый им поход против неверных, то поручил богемскому рыцарю защиту пограничной крепости, которую осаждал предводитель турков Мустафа-паша. Рыцарь вел войну с таким успехом, что скоро приобрел славу храброго и мудрого военачальника. Каждый день получал он от государя щедрые подарки, между прочим, прекрасный замок с обширными землями и угодьями,

приносившими немалый доход. Скоро Ульрих настолько поправил свои дела, что мог заплатить долги, выкупить заложенные земли, и уже помышлял о возвращении домой.

Жена Маттиаса Корвина, прекрасная королева Беатриче Арагонская, дочь неаполитанского короля Фердинанда Старшего, подобно большинству тогдашних итальянских принцесс, будучи женщиной образованной, считала своим долгом покровительствовать ученым, поэтам и привлекать их к своему двору. Многие знаменитые гуманисты приезжали к ней из Франции, Италии и Греции.

Барон Ульрих, который был приятным собеседником, заслужил особенную милость королевы. Она не раз ходатайствовала за него перед супругом и, так как рыцарь справедливо считал самым презренным из всех человеческих пороков неблагодарность, то ему нередко случалось сетовать на судьбу за то, что она не представляет удобного случая доказать королеве его преданность.

Когда он вернулся из похода на неверных, Беатриче попросила его остаться при дворе ее некоторое время. Как ни стремился Ульрих домой, но не мог отказать великодушной покровительнице в этой просьбе и согласился отложить свой отъезд.

Беатриче, следуя приятному итальянскому обычаю, по вечерам, когда спадал жар, приглашала все общество, сходявшееся вокруг нее: придворных дам, кавалеров, ученых, поэтов, гуманистов, в обширный прекрасный сад, находившийся неподалеку от дворца. Здесь, под открытым небом, среди цветов и деревьев, царствовала непринужденная веселость. Юноши и молодые девушки играли в мяч, водили хороводы, пели песни

